

БЕЛО-
МОРЪЕ

БЕЛО- МОРЬЕ

**«Современник»
Москва • 1984**

Д. С. ЛИХАЧЕВ,
АКАДЕМИК

СОЛОВКИ В ИСТОРИИ
РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ¹

Соловецкий монастырь вошел в историю русской культуры своим знаменитым собранием рукописей, своими каменными строениями XVI и XVII веков — единственным в своем роде комплексом светских инженерных и архитектурных сооружений Древней Руси, своим бесценным собранием икон, ныне рассеянным по многим музеям Советского Союза. Его значение в истории русского Севера с середины XV до начала XVIII века огромно.

Уединенный среди Белого моря на пустынном острове, избранном для скитской жизни, монастырь тем не менее распростер свою светскую — военную, феодальную и хозяйственную — власть на огромном пространстве и сыграл выдающуюся роль в феодализации общественно-хозяйственных отношений на русском Севере. Он постепенно распространил свое влияние на западе до границ Швеции, а на крайнем севере до самой Печенги, где соловецким выходцем монахом Трифоном был основан в XVI веке Трифоно-Печенгский монастырь. Соловецкий монастырь завязал культурные и религиозные связи с Афоном, Константинополем, Сербией. Он держал военные гарнизоны в Карелии и оборонял Белое море от вторжений иноземных кораблей вплоть до середины XIX века. Сотрясаемый внутренними противоречиями, он оказался в результате восстания в 1657—1676 годах во власти оппозиционных к господствующей церкви старообрядцев и избегших казни разинцев и восемь лет оборонялся против осаждавших его правительственных войск. Он был местом ссылки и заключения для неугодных правительству религиозных и государственных деятелей, сыгравших выдающуюся роль в его культурной жизни.

¹Печатается в сокращении.

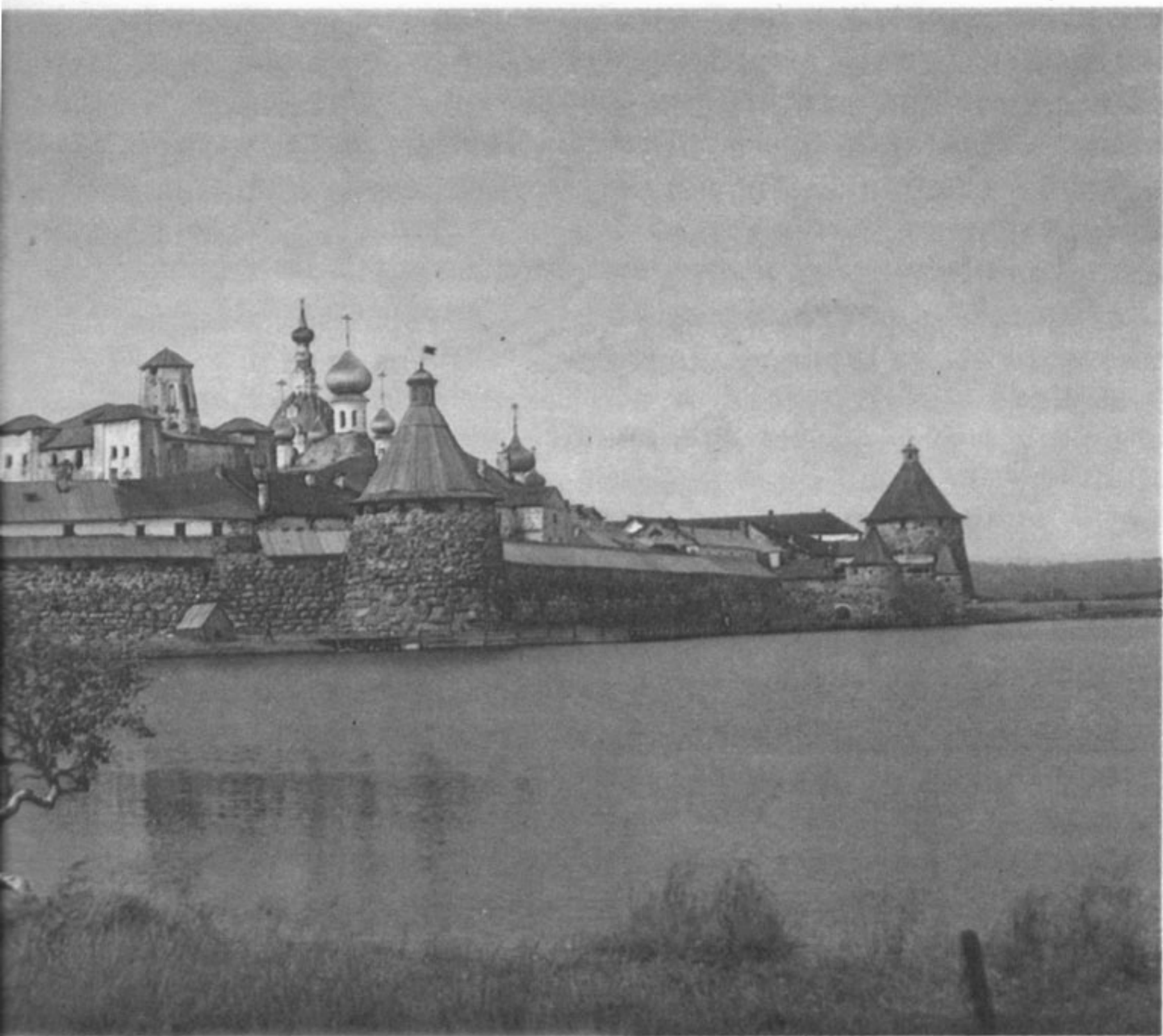

Начало Соловецкого монастыря

Очень характерно и в известной мере символично то обстоятельство, что конец XV века — вернее, его последняя четверть — был временем заката новгородской независимости и одновременно наибольшего территориального расширения монастыря в районе Белого моря.

Символично и то, что смерть Зосимы — последнего из соловецких «начальников», то есть основателей монастыря, — совпала по времени с окончательным падением новгородской независимости: то и другое произошло в 1478 году. Успев укрепить монастырь богатствами и независимостью экономической и в известной мере политической, Новгород передал ему свою организующую роль на Севере. Москва не разорила этого новгородского наследника, а напротив — стала, в свою очередь, всячески поддерживать, умножая его владения, богатства и военную силу.

Уже в следующем после падения Новгорода 1479 году

по ходатайству соловецкого игумена Феодосия Иваном III была выдана Соловкам грамота, в которой подтверждалось право монастыря на владение Соловецкими островами, — право, которое дала монастырю знаменитая защитница новгородской свободы — Марфа Посадница...

О первоначальной истории Соловецкого монастыря мы узнаём только из житий соловецких «начальников», то есть тех соловецких святых, с которых «начался» Соловецкий монастырь, — Савватия, Зосимы и Германа. Жития эти представляют собой исключительный интерес для истории древнерусской литературы. Они показывают постепенное нарастание требований к литературной «украшенности» житий и интенсивность работы по их литературной отделке.

В редакции Жития, принадлежащей знаменитому основателю Соловецкой библиотеки игумену Досифею, после рассказа о погребении им Зосимы обычно помещается «Сказание

о сотворении жития Зосимы и Савватия». Сказание это часто приводится в работах по древней русской литературе как показание самого древнерусского сочинителя о своей работе. Нет ни одного другого Жития, в котором с такой подробностью и полнотой была рассказана первоначальная история Жития — по чьей инициативе и как составлялись его различные редакции...

Как же происходило, по <...> литературным произведениям, первоначальное устройство монастыря?

Скрывшись тайно ночью из Валаамского монастыря, Савватий дошел до Белого моря и здесь у местных жителей стал расспрашивать о Соловецком острове. Он узнал, что плыть до острова следует два дня, что остров велик, в окружности сто «поприщ», имеет много озер, полных рыбы, отличной от той, что водится в море, что к острову приходят рыбаки, ловят вокруг него рыбу и уходят «восвояси», что остров покрыт разнообразными деревьями. Горы покрыты бором, а «по раздолиям» растет «всяко древо» и различные ягоды. Узнал он, что растут на острове и превеликие сосны, годные для строительства храмов, и что они «на все потребности благостройны». Жители предупреждали Савватия, что жизнь на острове будет трудна. В ответе Савватия жителям есть указание на его возраст: Савватий говорил, что есть у него такой Владыка, который дряхлости дает силы юности.

Савватий пришел к устью реки Выга и здесь в месте, называвшемся Сороки, нашел часовню, а в ней старца Германа, который бывал на Соловках. Герман согласился поселиться на острове вместе с Савватием. Они взяли с собой съестные припасы и земледельческие орудия и пристали к острову вблизи самой высокой вершины Соловков — горы Секирной, на которую, очевидно, и ориентировались в море. Савватий и Герман водрузили крест на ближайшем к Секирной горе большом пресноводном озере и здесь поселились (теперь это место называется Савватиево).

Здесь у Савватия и Германа произошло столкновение с местными жителями. По словам Жития, жители Корельского берега отправили на Соловки семью рыбаков для того, чтобы они жили там постоянно. Сделано это было нарочито, чтобы изгнать пришельцев, или постоянные жители уже имелись к тому времени на острове, — сказать трудно. Жития святых любят несколько преувеличивать пустынность тех мест, где селились первые подвижники.

Во всяком случае, семья рыбаков считала себя владелицей тех мест. Однажды, рассказывается в Житии, Савватий вышел из кельи, чтобы покадить крест, поставленный им по приезде, и услышал крики неизвестной женщины. Савватий позвал Германа. На вопрос Германа, о чем плачет женщина, та рассказала, что она встретила двух светлых юношей, которые высекли ее и приказали ей с мужем покинуть остров. Немедленно после этого события рыбак и его жена уехали с острова.

Легенда эта хотя и имеет все признаки топонимической легенды, придуманной для объяснения названия горы «Секирной», тем не менее характерна: остров не был «ничейным», его считали своей собственностью жители Корельского берега. После этого случая, говорится в Житии, сюда продолжали летом приплывать рыбаки, но никто не оставался здесь для постоянного жительства.

Через шесть лет отшельничества Герман отплыл с острова, чтобы приобрести нужное для продолжения там жизни. Савватий остался один и, почувствовав через немалое время приближение смерти, отправился на небольшой лодке на материк. В десяти верстах от устья Выга он встретил игумена Нафанаила и просил причастить его перед смертью. Нафанаил, который спешил напутствовать какого-то больного, просил Савватия подождать его до утра в часовне. Но Савватий настаивал на своей просьбе: «Не весте, что утро будет». Нафанаил исполнил просьбу Савватия. Савватий пошел к часовне, куда к нему зашел прибывший на своем корабле некий купец Иоанн. Савватий говорил с Иоанном и преподавал ему наставления. Иоанн предложил ему большое подаяние. Савватий просил его раздать это подаяние бедным. Иоанн собрался уезжать, но Савватий обратился к нему с просьбой остаться до утра, сказав ему, что он не пожалеет и путь его будет покоен. Купец решил все же отправиться, но едва он вышел из часовни, как поднялась буря, и ему пришлось ночевать на берегу. Утром Иоанн пришел к часовне, но увидел Савватия умершим на молитве в куколе и мантии. Вернувшийся к тому времени игумен Нафанаил и Иоанн погребли Савватия близ часовни.

Через год после смерти Савватия на Соловках появился новый отшельник — Зосима, который и стал основателем Соловецкого монастыря.

Зосима родился в селе Толвуе недалеко от Онежского озера. Юношей Зосима ушел из дома отшельничать в уединенное место, но не порвал связь с родительским домом.

Только после смерти родителей он решил искать безмолвия и воздвигнуть обитель вдали от мирской суеты. На севере близ устья Сумы он нашел того же старца Германа, и тот рассказал ему о Савватии и Соловецком острове. Зосима уговорил Германа проводить его до Соловков. Здесь вблизи моря и озера они поставили шалаши («кущи»). В первую же ночь Зосиме было видение: будущая великая церковь на воздухе. Зосима рассказал о своем видении Герману, Герман же рассказал Зосиме об ангелах, прогнавших при Савватии рыбаков с острова, предназначенного для иноческого жития. Зосима и Герман выстроили себе кельи, а через некоторое время Герман отправился на материк за припасами, но осеннее ненастье воспрепятствовало Герману возвратиться на остров. Для Зосимы наступила пора отшельнических подвигов на пустынном острове в условиях суровой зимы. Зосима испытал лишения, его посетило видение, и, наконец, он получил помощь хлебом, мукой и маслом от двух неизвестных людей, которых благочестивые авторы Жития сочли за ангелов. Весной Герман вернулся на остров с рыбаком Марком, который и поселился вместе с отшельниками.

К Зосиме и Герману стала собираться братия. Был построен первый деревянный храм на месте видения Зосимы, посвященный Преображению Спаса, с приделом Николая. Отсюда обитель стала часто называться в документах «домом Спаса и Николая Чудотворца». Освящение храма совершилось не сразу. По церковным установлениям требовалось получить антиминос для престола. Один из братии отправился в Новгород к архиепископу Евфимию, но тот не дал антиминоса, сомневаясь в том, что у монахов достанет сил бороться с суровой природой и с дикими лопарями, соседствовавшими с обителью. Только новгородский архиепископ Иона (1458—1470) прислал антиминос и первого соловецкого игумена — Павла.

Житие Савватия и Зосимы сообщает о том, чем занимались первые обитатели Соловков. Они копали огороды, рубили дрова и варили из морской воды соль, которую меняли на хлеб у промысловиков. Началась борьба с боярскими людьми и корельскими жителями Беломорья, приезжавшими сюда и считавшими остров своей собственностью. Первый игумен Павел не снес тяжких условий жизни и уехал. Такова же была судьба и двух назначенных сюда из Новгорода игуменов — Феодосия и Ионы. Решили избрать игумена из своей среды. Зосима предложил одного из иноков — Игнатия, но иноки упростили Зосиму принять на себя игуменство. Братия тайно

отправила в Новгород к архиепископу одного из монахов просить поставить им игуменом Зосиму. Архиепископ вызвал Зосиму и убедил его принять священство (для поставления в игумены недостаточно было быть монахом, требовалось стать иеромонахом, имеющим право совершать литургию) и стать игуменом. Новый игумен — Зосима — приехал на Соловки с богатыми дарами, собранными им в Новгороде.

Начались годы устройства монастыря, выработки строгого монастырского устава, строительства еще одной церкви — Успения и нового храма на месте старого — Преображения. Братия умножалась, и монастырь крестил жителей Беломорья — корел, финнов, лопарей и норвежцев.

Военное значение монастыря в XVI и XVII веках

В XVI и XVII веках Соловецкий монастырь держал оборону всего русского Севера — от Мурманского берега и до западной Карелии — всего Поморья. Соловецкий монастырь был не только крепостью, но и тем распорядительным центром, от которого исходило общее руководство оборонительными приготовлениями, а в случае нападения — и военными действиями.

Впервые военная угроза монастырю возникла в 1571 году, когда у Соловков появились шведские военные корабли. Москва установила наблюдение за кораблями, а в 1578 году, откликаясь на просьбу монастыря о военной помощи, прислала на остров воеводу Михаила Озерова, четырех пушкарей, десять стрельцов, сто «ручниц», пять «затинных пищалей» (пушек). Из Вологды тоже прибыли пушкари, были привезены еще четыре пищали, запас ядер и пороха. Воевода Озеров набрал девяносто пять стрельцов и построил вокруг монастыря деревянный острог.

Начальником крепости стал игумен, которому из Москвы приказывалось решать все военные дела вместе с воеводой Озеровым. Помощь московского правительства продолжалась и в 1579 году, когда монастырские владения в Кемской волости подверглись нападению с суши «каянских немцев», то есть шведов. Плохо обученные стрельцы были разбиты, а сам воевода Озеров убит.

Новый воевода Киприан Аничков принял энергичные меры, набрал и обучил новых ратников, соорудил Ринозерский острог на финляндской границе и успешно отбил в нем

в декабре 1580 года нападение трехтысячного шведского войска, захватив богатые трофеи.

Военная помощь монастырю все возрастала, а кроме того, делались новые и новые вклады. Грозный понимал значение монастыря как крепости в обороне русского Севера.

Летом 1581 года Аничков получил из Москвы указания по обороне. Ему предписывалось летом охранять монастырь, а в зимнее время держать войско на берегу. То же было повторено и сменившему в 1582 году Аничкова — Ивану Окучину. Соловецкие войска вели, таким образом, сезонную оборону, — летом сосредоточиваясь главным образом на Соловках, а зимой переезжая для обороны на материк. В 1582 — 1583 годах был построен Сумский острог, а в 1582 или 1584 году по указу царя Федора Иоанновича на месте деревянного острога началось возведение знаменитой каменной стены вокруг Соловецкого монастыря, способной выдержать сильную бомбардировку артиллерии. Строительство велось на средства монастыря, и это давало монастырю новые права и преимущества в собирании вокруг себя поморских земель.

Строительство монастырской стены было материально подкреплено различными правительственными дарениями и частичным освобождением монастырских земель от обложений.

Работами по сооружению крепостных стен монастыря ведал монах Трифон из крестьян села Неноксы. Стена имела восемь башен. Башни эти имели и официальные и народные названия. В монастырских документах чаще всего фигурируют первые. По старой церковной традиции монастырские ворота и башни назывались по тем церквам, к которым вели ворота или у которых башни находились, но народные названия были и более простыми и выразительными. Так, например, прямоугольная башня, выходившая к бухте Благополучия, против церкви Успения, официально называлась Успенской, а народное название ее было — Оружейная, или Сельдяная. В башне этой был арсенал, и недалеко от нее находились Сельдяные ворота, через которые обычно отправлялись на промысел монахи-рыбаки. Архангельская башня, выходившая к Святому озеру, называлась также Водяной, Корожная башня — Сторожевой, так как с нее следили за приближением кораблей, а впоследствии ее стали называть Арестантской, так как рядом с ней находилась монастырская тюрьма.

Длина монастырских стен составляет более километра,

а толщина их (5—6 м) превосходит толщину стен Московского Кремля. Монастырь тщательно следил за сохранностью стен, и ведал ими один из двенадцати монастырских старцев, называвшийся «городничий старец».

Война России со Швецией 1590—1593 годов отразилась и на Севере — три года шведские воеводы опустошали Беломорье и Кольский полуостров. В 1590 году шведы сожгли Печенгский монастырь на Кольском полуострове и перебили всех его жителей: шестьдесят пять мирян и пятьдесят одного инока. Они разорили также окрестности Колы, но не смогли овладеть самим острогом, незадолго перед этим построенным. В том же году шведы разорили земли по рекам Ковде, Умбе, Керети и Кеми. В 1591 году шведы снова подошли к Коле. Во время другого похода они подошли к Сумскому острогу, сожгли его посад, но острога не взяли.

В 1592 году снова были разорены и опустошены земли от Ковды и Керети до Вирмы и Сухого Наволока, но Сумский острог не был взят: стрельцы и крестьяне отбились от шведов и нанесли шведам жестокое поражение.

Русско-шведская война закончилась в 1595 году победоносно для России. Тявзинский мир возвратил России Ивангород, Ям, Копорье и Корелу. В 1598 году было закончено строительство Кемского острога в устье реки Кеми.

Последствия шведской агрессии 90-х годов были очень тяжелы для Западного Беломорья. Исследователь истории Соловков А. М. Борисов отмечает, что «шведская агрессия тяжело отразилась как на хозяйственной жизни монастыря, так и на значительной части крестьянских хозяйств Поморья... Особенно разрушенными оказались соляные варницы и другие промыслы, сильно сократилась и рыбная ловля. Многие поморские волости (Керетская, Кемская, Полужемская и другие) оказались разоренными, их крестьянское население значительно сократилось...».

Особенно возросло военное значение монастыря в начале XVII века — в период Смуты. Соловецкий монастырь сыграл огромную роль в отстаивании независимости Русского государства. В этот период он вел самостоятельную политику, вступал в переговоры и открывал военные действия.

В конце 1610 года шведское войско под предводительством Якова Понтуса Делагарди начало оккупацию новгородских земель, а весной двинулось на русский Север. Шведы стремились захватить Кольский полуостров и западное побережье Белого моря: Кемь и Сумский острог.

Походу сопутствовали дипломатические переговоры

с Соловецким монастырем, во время которых соловецкий игумен Антоний проявил и дипломатический такт, и широкое понимание сложившегося положения. Дипломатический нажим шведов не привел к желаемым ими результатам, а военный поход был сорван партизанскими действиями местных крестьян.

В 1613—1614 годах Соловецкому управлению пришлось защищать свои вотчины с другой стороны — у Холмогор — от набега «черкас» и «литовских» людей, под которыми разумелись русские и украинские изменники из войска Ходкевича. В декабре «черкасы» были разбиты под Холмогорами, но и после своего поражения «черкасы» продолжали набеги на север. Они разорили Николо-Корельский монастырь, Неноксу, Луду, Уну, Сумскую волость, Онегу и только весной 1614 года были окончательно разбиты.

Несмотря на сильное опустошение своих земель, Соловецкий монастырь давал крупные суммы денег в помощь Русскому государству. Денежная помощь Соловецкого монастыря продолжалась и после Смуты. Крупные суммы были даны в 1632, 1656 и 1664 годах. Соловецкий монастырь в течение всего XVII века строил крепости от далекой Колы до более близких мест — Сумы, Кеми. Укреплялся и сам монастырь. В 1621 году была пристроена стена со стороны Святого озера с Поваренной и Квасоваренной башнями, затем с севера вырыт обложенный камнем ров, устроен тын и т. д.

Военные тревоги продолжались в течение всего XVII века, но во всероссийском масштабе оборонное значение монастыря вновь дало о себе знать только при Петре I.

Соловецкое восстание 1668—1676 годов

Официальные историки русской церкви пытались представить Соловецкое восстание 1668—1676 годов как восстание невежественных сторонников старой веры против прогрессивных реформ Никона. Прогрессивность никоновских реформ весьма относительна, как и невежество староверов в XVII веке. К оппозиции официальной церкви примкнули демократические и эксплуатируемые слои русского общества. Соловецкое восстание вспыхнуло на гребне народных восстаний XVII века. Летом 1648 года произошло восстание в Москве, затем в Сольвычегодске, Великом

Устюге, Козлове, Воронеже, Курске. В 1650 году поднялись восстания в Пскове и Новгороде. В начале 60-х годов происходили волнения из-за новых медных денег. Волнения эти получили названия «медных бунтов». Соловецкое восстание 1668—1676 годов явилось завершением всех этих волнений и Крестьянской войны во главе со Степаном Разиным, но недовольство в монастыре проявилось значительно раньше.

По-видимому, уже в 1646 году в монастыре и его владениях чувствовалось недовольство правительством. 16 июня 1646 года игумен Илья писал, чтобы привести к крестному целованию мирских людей разных чинов, стрельцов и крестьян в монастырских вотчинах. Из Москвы была вскоре прислана форма присяги. Монастырские люди обязывались в ней верно служить государю, хотеть ему добра без всякой хитрости, о всяком скопе и заговоре доносить, воинское дело исполнять без всякой измены, к изменникам не примыкать, ничего не делать самовольно, скопом или заговором и т. д. Отсюда видно, что опасность «скопов», заговоров и измен была реальной.

Постепенно накапливавшееся недовольство патриархом Никоном вылилось в 1657 году в решительный отказ монастыря во главе с его тогдашним архимандритом Ильей принять новопечатные богослужебные книги. Неподчинение монастыря приобретало различные формы в последующие годы и в значительной мере определялось давлением снизу живших в монастыре мирян (в первую очередь трудников) и рядовых монахов. Последующие годы заполнены многочисленными событиями, во время которых монастырь, раздираемый внутренними противоречиями, в целом все же отказывался подчиниться не только церковной власти патриарха, но и светской власти царя.

В 1668 году началась вооруженная борьба монастыря с царскими войсками. Монастырь подвергся осаде и находился в этой осаде восемь лет. В монастыре находилось до семисот — семисот пятидесяти его защитников.

К восставшим примкнули бывшие разинцы и различные недовольные люди. Характерны в этом отношении показания старца Прохора: «Братии-де в монастыре всей триста человек, а белцев (то есть не монахов, светских. — Д. Л.) болши четырех сот человек, в монастыре заперлись и сели на смерть, здатца же ни которыми образы не хотят. И стало у них за воровство и капитонство (первые старообрядцы-беспоповцы, сторонники старца Капитона. — Д. Л.), а не за

веру стоять. А в монастырь-де в разиновщину пришли многие капитоны чернцы и белцы из понизовых городов, те-де их воров и от церкви и от отцов духовных отлучили. Да у них же де в монастыре собралось московских беглых стрелцов и донских казаков и боярских беглых холопей и розных государственных иноземцев... И всему-де злу корень собрались тут в монастыре».

Запасов монастыря хватило бы и на значительно больший срок, но измена монаха Феоктиста, выдавшего царскому воеводе Мещеринову потайной ход через сушило, положила конец вооруженной борьбе. Расправа с восставшими была чрезвычайно суровой. По-видимому, в последний год осады в монастыре осталось не менее четырехсот человек. В живых было оставлено только четырнадцать. По словам изменника Феоктиста, Мещеринов «иных воров перевешал, а многих, волоча за монастырь на губу (то есть на залив), заморозил». Похоронены были казненные на острове «Бабья луда» при входе в Бухту Благополучия. Трупы не были зарыты: они были забросаны камнями.

Как ни стремились официальные историки монастыря представить дело так, что Соловки после подавления восстания не утратили своего морального авторитета на Севере,— дело было не так. Роль Соловков в культурной жизни Севера резко пала. Соловки оказались окруженными старообрядческими поселениями, для которых монастырь остался только святым воспоминанием. Андрей Денисов в своей «Истории о отцах и страдальцах соловецких» описал «многотомительное разорение» Соловецкого монастыря, мученичество соловецких страдальцев, и его сочинение, разойдясь в сотнях списков и печатных экземпляров, стало одним из самых любимых чтений среди старообрядцев. Соловки отошли в прошлое.

Падению авторитета Соловецкого монастыря способствовали и его экономическое обеднение, и начавшаяся при Петре общая секуляризация русской жизни, и падение значения церкви вообще.

Вместе с тем Соловецкое восстание имело огромное значение в укреплении старообрядчества на севере России. Несмотря на то что восстание было жестоко подавлено, а может быть, именно благодаря этому оно послужило укреплению морального авторитета старой веры среди окружающего населения, привыкшего видеть в Соловецком монастыре одну из главных святынь православия.

Попытки использовать после подавления восстания

былой авторитет Соловецкого монастыря в борьбе со старообрядчеством не привели ни к чему.

Военное значение монастыря при Петре I

Военное значение монастыря снова возродилось при Петре I во время Северной войны. Но еще раньше, в 1694 году, Петр приезжал на Соловки из Архангельска. По дороге царская яхта попала в бурю и едва не погибла. В монастыре Петр провел три дня, очевидно интересуясь не только его церковными ценностями, но и военной готовностью. В том же и в следующем году последовали царские пожалования. В частности, Петр пожертвовал 700 рублей (сумма по тем временам очень большая) на устройство нового иконостаса Преображенского собора.

С возникновением Северной войны начались работы по сооружению Новодвинской крепости в устье Северной Двины у Архангельска с участием монастырских крестьян. Затем были обновлены старые монастырские укрепления: Кольский, Сумский и Кемский остроги. Рядом с Кольским острогом между реками Колою и Туломою была поставлена новая крепость с двадцатью пятью пушками.

В 1701 году шведская эскадра из семи кораблей вошла в Белое море и стала задерживать и топить рыболовные и торговые суда. В июне шведы пытались захватить Архангельск, но были разбиты под Новодвинской крепостью. Был захвачен и шведский флаг — первый вражеский морской флаг, ставший трофеем русских.

Летом Петр вторично посетил Соловецкий монастырь. Его сопровождали тринадцать военных кораблей. Петру салютовали пушечной пальбой из всех орудий на стенах и башнях. Петр осмотрел монастырскую стену, был в ризнице и оружейной палате. Верхом на лошади, а не в приготовленной для него роскошной повозке, которая и до сих пор сохранилась на Соловках, Петр объездил остров и был на кирпичном заводе.

Флот Петра стоял на Заяцком острове. Здесь по приказанию Петра за несколько дней стояния флота, между 10 и 16 августа, была построена церковь, посвященная Андрею Первозванному, объявленному при Петре покровителем русского флота. С этих пор русские военные корабли

стали плавать под Андреевским флагом — голубым косым крестом на белом фоне. Церковь Андрея Первозванного сохранилась до сих пор.

16 августа Петр отплыл к пристани Ньюхоцкого Соловецкого усолья и здесь, сойдя с кораблей со всем войском, прошел по вновь проложенной дороге к Онежскому озеру.

Впоследствии, с выходом России к Балтийскому морю, военное значение Соловков пало, хотя тревожная обстановка во время русско-шведских войн в 1741—1743 и 1788—1790 годах заставляла укреплять монастырь.

Серьезная опасность угрожала монастырю со стороны Англии в 1800—1801 годах. Весной 1801 года сюда были присланы на короткое время два гренадерских батальона. Новая опасность возникла в 1809—1810 годах, когда Россия стала союзником Франции и тем самым выступила против Англии.

После 1814 года Соловецкая крепость почти полностью разоружается.

Заключение

Что такое «историко-культурное значение» Соловецкого монастыря? Одна-единственная морализующая точка зрения на события далекого прошлого, принимаемая обычно при исследовании истории Соловецкого монастыря, не лишена наивности. Ее можно рассматривать как попытку «в лоб» перевернуть елейное церковное изображение событий монастырской жизни. Между тем расценивать историю монастыря только с этической точки зрения едва ли правильно. Мы должны оценить ее в свете той общеисторической роли, которую сыграло каждое событие, каждый род деятельности монастыря в жизни русского Севера.

Монастырь — это не только монастырские верхи и официальная церковность. Монастырь — это и его рядовые монахи из крестьян, это его и трудники — тоже крестьяне, это и его паломники, приезжавшие сюда со своими жизненными невзгодами, это его ссыльные и заключенные, стрельцы, и солдаты, ремесленники и мастера. Это кипучее и пестрое сообщество людей, общавшихся между собой и враждовавших друг с другом, вносящее в жизнь малонаселенного русского Севера движение и развитие.

В жизни Севера монастырь сыграл первенствующую

роль, особенно в XVI и XVII веках. Его роль не ограничивалась ускорением процессов феодализации, военной обороной Севера, распространением более совершенных форм хозяйствования, технического процесса и приобщение жителей Севера к более высокому строю общества. Его роль заключалась также в развитии оппозиционных настроений по отношению к церкви и государству, в развитии зодчества, иконописания и прикладных искусств. Монастырь явился собирателем и хранителем древнерусского рукописного наследия, произведений живописи и художественных ремесел. Он был своего рода музеем, хранителем древнерусских музыкальных традиций и грандиозным ансамблем памятников древнерусского зодчества, обладавшего большой силой эстетического воздействия.

Будем считать в истории Соловецкого монастыря исторически значительным все, что так или иначе отразилось в русском историческом процессе и что, в свою очередь, восприняло ведущие тенденции этого процесса, выразило собой эпоху и ее культуру.

В. И. Ленин писал: «Исторические заслуги судятся не по тому, чего не дали исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они дали нового сравнительно с своими предшественниками». Это положение В. И. Ленина относится к оценке деятельности не только исторических деятелей, но дает правильный критерий для оценки значения исторических явлений вообще.